

E. Filimonova (ed.). Clusivity: Typology and case studies of the inclusive-exclusive distinction. Amsterdam: Benjamins, 2005. xii + 436 p. (Typological studies in language; 63).

Рецензируемый сборник «Ключивность» (этот термин, который нельзя не признать органичным и естественным, возник в ходе подготовки книги для обозначения противопоставления инклюзивных и эксклюзивных форм местоимений) объединяет работы исследователей, описывающих указанную оппозицию *инк л ю з и в / э к с к л ю з и в* с теоретической и типологической точки зрения. Сборник состоит из двух частей: в первой собраны работы, посвященные общим проблемам описания этой оппозиции, тогда как работы второй части описывают это явление в языках определенной генетической группировки либо лингвистического ареала. Тем самым, книга представляет собой прекрасный пример сбалансированного (т.е. разностороннего и полного) лингвистического описания. С одной стороны, в книге представлен богатый фактический

материал; в то же время, в ней затрагиваются достаточно общие вопросы, такие, как типология прономинальных систем, типология форм вежливости, тенденции ареальной и диахронической эволюции систем, демонстрирующих изучаемое противопоставление.

Сборнику предпослано краткое введение, в котором представлены включенные в книгу работы (отметим, что как в его теоретической, так и в описательной части немало статей российских типологов). Открывается сборник статьей М.А. Даниэля «Understanding inclusives» («К пониманию инклюзивных форм»). Автор анонсирует во введении задачу – показать, что, в отличие от эксклюзива, инклюзив не является формой 1 л., и построить адекватную этой трактовке лингвистическую модель, соотносящую между собою число, лицо и ключивность в прономинальной сфере. Автор с

блеском выполняет (и значительно перевыполняет) эту задачу, в качестве «бонуса» преподнося читателю нетривиальные и глубокие замечания по вопросам, смежным с основной темой исследования. В качестве первоначального аргумента в пользу независимой трактовки инклюзивных форм и форм 1 л. М.А. Даниэль показывает, что морфологически эти прономинальные формы связаны только в трех языках из его выборки, тогда как морфологически независимы они более чем в 80-ти языках. Основой предлагаемой автором модели, позволяющей единообразно и непротиворечиво описать как прономинальные системы, обладающие категорией кляузивности, так и прономинальные системы, не имеющие ее, являются локутивные иерархии. Так, в языках с отсутствием кляузивности действует иерархия [Говорящий > Адресат]: всякая группа, в которую входит говорящий, в таких языках обозначается одним и тем же образом, вне зависимости от того, какие другие лица входят в нее. В свою очередь, в языках, где представлена категория кляузивности, действует иерархия [Говорящий = Адресат] и, тем самым, наличествуют специальные формы для обозначения группы, в которую входят и говорящий, и адресат. Но реализуется ли третья логическая возможность – а именно, есть ли языки, в которых действует иерархия [Адресат > Говорящий]? Автор отвечает на этот вопрос утвердительно и подробно анализирует материал ряда языков, в которых единообразно обозначается всякая группа, в которую входит адресат. Интересная полемика возникает между этим разделом статьи М. А. Даниэля и опубликованной в этом же сборнике статьей М. Сисоу «Syncretisms involving clusivity» («Случаи синкретичного выражения кляузивности»). М. Сисоу собрал коллекцию данных, которая показывает, что в прономинальных системах кляузивные формы могут быть омонимичны любой другой прономинальной форме и что функционально мотивированный синкретизм форм инклюзива и форм второго лица, о котором говорит М.А. Даниэль, встречается не чаще, чем случаи функционально немотивированного синкретизма. Как показал М. Сисоу на материале 123 языков, синкретизм инклюзива и формы 1 л. встречается только в одном языке, типологически частотными являются случаи формального совпадения эксклюзива и 1 л. (40 языков), а вот случаи формального совпадения инклюзива и эксклюзива с любой другой личной формой (в том числе и случаи формального тождества инклюзива и эксклюзива) являются гораздо более редкими, но, что существенно, частота их приблизительно равна

(каждый случай представлен примерами из 15–20 языков).

В статье Б. Бикеля и Дж. Николс «Inclusive-exclusive as person vs. number categories worldwide» («Инклюзив-эксклюзив как категории лица vs. числа в языках мира») предлагается трехчастная типология кляузивных систем и изучается ареальное распределение выделенных типов. Авторы объявляют, что в основание классификации положено соотношение кляузивности с формами лица либо с формами числа. Но, к сожалению, на фоне других статей данного сборника их апелляция к понятиям лица и числа для описания выделенных ими типов выглядит достаточно слабой: каждый из выделенных ими типов описывается в других статьях сборника в терминах, позволяющих существенно более адекватно отразить семантику лично-числовых противопоставлений в сфере кляузивности. Тем не менее, выделение самих трех типов кляузивных систем остается несомненным, так как они формально четко противопоставлены. Их условно можно обозначить следующими схемами, в которых использование одной и той же заглавной латинской буквы обозначает наличие формальной корреляции между формами парадигмы, а использование разных букв – отсутствие формальной корреляции:

Tun 1

Sg		Group	
1	A	Excl	B
		Incl	C

Tun 2

Sg		Group	
1	A	Excl	A
		Incl	B

Tun 3

Sg		Group	
1	A	Excl	A
1 + 2	B	Incl	B

Наибольшая концентрация прономинальных систем с категорией кляузивности обнаруживается в так называемом тихоокеанском ареале (Circum-Pacific), включающем Австралию, Океанию, Восточную Азию и западное побережье обеих Америк. Единство этого аре-

ала (выделяемого авторами также на основании географического распределения других лингвистических признаков) Б. Бикель и Дж. Николс обуславливают происходившими по меньшей мере 20 тыс. лет назад миграционными процессами, в результате которых все эти территории были, как считается, заселены выходцами из Восточной Азии. Что касается распределения трех выделенных типов в данном регионе, то на западе господствуют системы первого типа, на востоке представлено более или менее сбалансированное соотношение между системами первого и второго типов, а системы третьего типа представлены только в Австралии, причем в 80% языков этого континента. Авторы полагают, что тем самым в Австралии сохраняются реликты древних волн миграции, по не вполне ясным причинам исключая трактовку систем третьего типа в Австралии как более поздней инновации, распространившейся на весь австралийский континент. Это тем более удивительно, что особая роль ареальных сходств для австралийских языков хорошо известна и описывалась во многих работах. Схожее недоумение возникает и при описании Б. Бикелем и Дж. Николс других частей выделенного ими древнего ареала: делая выводы о том, что распределение лингвистических признаков обуславливается направлением миграционных процессов, имевших место несколько десятков тысяч лет тому назад, авторы полностью игнорируют возможность того, что позднейшие языковые контакты могли в значительной степени изменить «лингвистический портрет» описываемых регионов.

В статье Х. Саймона «Only you?» («Только ты?») анализируются те языки, про которые делались утверждения о наличии в них клюзивности в формах 2 л. Языков таких немного, в пределах десятка; автор, однако, утверждает, что категория клюзивности во 2 л. не просто редка, а вовсе не существует. Он подробно анализирует материал каждого из этих языков и показывает, что, по тем или иным причинам, существующая в языке вариативность форм 2 л. была ошибочно интерпретирована как клюзивность. В действительности же за этим может стоять и контаминация двух диалектных вариантов, и различие эмфатической/неэмфатической формы и т.п. Однако, показав, что ни для одного из этих языков формы в действительности не различают клюзивности, автор приводит пример баварского диалекта немецкого, где при вежливом обращении к группе лиц выбирается одно из двух местоимений в зависимости от того, обращается ли говорящий к группе присутствующих либо к адресату и отсутствующему лицу/лицам.

Примеры, приводимые из текстов на баварском диалекте, очень убедительны и интересны. Примечательно также, что материал баварского диалекта побуждает автора признать, что, хотя клюзивность во втором лице кажется ему мифом (что он и попытался показать в своей статье), все же баварский с несомненностью доказывает, что такое противопоставление может существовать на периферии прономинальной системы, будучи спаянным с выражением вежливости и другими прагматическими установками, и что подобные случаи, как правило, не отражаются в грамматических описаниях языков мира.

А. Северская и Д. Баккер в статье «Inclusive and exclusive in free and bound person forms» («Инклюзив и эксклюзив в морфологически самостоятельных/несамостоятельных формах личных местоимений») на материале почти четырехсот языков исследуют вопрос о различии выражения клюзивности в парадигме независимых местоимений в противовес парадигмам местоименных клитик и аффиксов. Известно, что увеличение степени грамматичности элемента сопровождается ослаблением степени его свободы (что, в данном случае, выражается эволюцией несвязанной формы в клитику или аффикс) и определенной семантической «эрозией». Таким образом, первоначальная гипотеза авторов, полностью подтвердившаяся в статье, состоит в том, что клюзивная оппозиция чаще сохраняется в формах свободных местоимений, нежели в связанных, клитических или аффиксальных местоименных показателях.

В сборнике представлена также очень интересная статья В.Ю. Гусева и Н.Р. Добрушиной «Inclusive Imperatives» («Инклюзивные императивы»). Как правило, клюзивность изучается на материале личных местоимений; глагольные парадигмы изучаются реже, и в этом случае, как правило, исследователи говорят о глаголе в целом, ограничиваясь рассмотрением индикативных форм. Вместе с тем, как убедительно показали авторы этой работы, оказывается, что в глагольной системе есть наклонение, для которого противопоставление по клюзивности оказывается очень существенным – это формы императива. Причем это единственная форма глагольной системы, в которой существует асимметрия в сфере клюзивности в виде явного предпочтения инклюзивов. Особое положение императива по отношению к категории клюзивности объясняется его семантикой: во всех императивных формах адресат играет центральную роль, либо являясь объектом каузации в формах второго лица, либо выступая в качестве посредника между говорящим и каузируемым субъектом третьего

лица. Семантика эксклюзива фактически несовместима с семантикой императива, так как в этом случае в качестве объекта каузации выступает говорящий и объединяющаяся с ним группа людей, по отношению к которым адресат не может выступать даже посредником. Эта асимметрия проявляется следующим образом. Во-первых, в большинстве языков существует только инклюзивная, но не эксклюзивная императивная форма (т.е. форму императива 1 л. можно употребить только в том случае, если в действии участвует говорящий: в противном случае выбирается форма другого наклонения либо форма будущего времени индикатива). Во-вторых, в тех немногих языках, где в императиве все-таки представлено формальное противопоставление инклюзивных форм, эксклюзивная форма имеет особую семантику, используясь как обращение к адресату для того, чтобы спросить его согласия на совершение действия; таким образом, и в этом случае адресат выступает в роли лица, от которого в значительной степени зависит совершение данного действия. В-третьих, крайне редки языки, в которых в императиве употреблялась бы форма «нейтрального» первого лица, покрывающая одновременно значение инклюзива и эксклюзива; в то же время, такие формы широко употребляются в языках мира в неимперативных глагольных парадигмах. Еще одна интересная особенность императивных форм, отмеченная авторами статьи – сильная тенденция к формальному различению числа адресатов в императивных инклюзивных формах ('мы с тобой' vs. 'мы с вами', ср. в русском *давай Р* vs. *давайте Р*). Эта тенденция – противопоставлять ситуации с двумя локуторами и ситуации с большим числом участников – проявляется в том числе и в тех языках, в которых формы двойственного числа не представлены ни в какой другой части грамматической системы. В качестве функционального обоснования для такого различия авторы указывают на то, что в ситуации императива успех действия существенно зависит от того, насколько прямой является каузация. Таким образом, «идеальным» объектом каузации является адресат, тогда как включение в ситуацию других лиц подразумевает также необходимость опосредованной каузации. По этой причине и оказывается столь существенной грамматикализация числовых противопоставлений в сфере императивных форм.

В статье М. Сисоу «A typology of honorific uses of clusivity» («Типология гонорифических употреблений инклюзивных форм») анализируются возможные употребления инклюзивов и эксклюзивов для передачи различных значений категории вежливости. К сожалению – и

автор статьи это признает – сведения о таких употреблениях форм инклюзивности встречаются в грамматических описаниях крайне редко, и даже в том случае, если в грамматике удастся отыскать упоминание о гонорифических употреблениях инклюзивных форм, такие упоминания носят характер очень кратких замечаний. Соответственно, автор имел возможность привести в статье всего три примера, иллюстрирующих гонорифические употребления инклюзивных форм. Однако хорошим дополнением к его исследованию служит материал открывающей вторую часть сборника статьи Ф. Лихтенберга «Inclusive-exclusive in Austronesia» («Инклюзив-эксклюзив в Австронезии»), в которой приводится много примеров гонорифического употребления инклюзивных форм. На материале языков Австронезии, в которых категория инклюзивности реконструируется для праязыка, Ф. Лихтенберг показывает асимметрию инклюзивных и эксклюзивных форм, проявляющуюся в том, что: а) только инклюзивные формы способны развивать дополнительные употребления, такие, как гонорифические или имперсональные; б) в случае утраты инклюзивной оппозиции в языке в качестве формы первого лица удерживается именно форма с исходной инклюзивной семантикой.

Во второй части сборника представлены также статьи, посвященные категории инклюзивности в тибето-бирманских (Э. ЛаПолла) и тюркских (И. Невская) языках, в языках центрально-восточной части Южной Америки (М. Кревельс и П. Мейскен), а также в мосетенских языках Боливии (Ж. Сакель) и в языке шусвап (Ян П. ван Эйк). В этих статьях анализируются диахронические и ареальные пути возникновения категории инклюзивности в описываемых ареалах, а также функционирование этих форм в системе современного языка. В сборник также включена статья К. Кормира, описывающая противопоставление инклюзивности/эксклюзивности в американском жестовом языке.

Завершается сборник статьей редактора книги Е. Филимоновой «Clusivity cross-linguistically» («Типология инклюзивности»), в которой суммируются приведенные в статьях сборника факты и мнения, касающиеся различных аспектов описания инклюзивности. Пользу такого заключения трудно переоценить, так как многие статьи сборника перекликаются между собою, описывая сходные феномены. Кроме того, в заключении анализируются также работы предыдущих лет, посвященные категории инклюзивности и прономинальным формам, что позволяет включить сборник в более широкий научный контекст.

Все статьи рецензируемого сборника интересны как рассматриваемыми в них фактами, так и предлагаемыми интерпретациями. Иногда сопоставление точек зрения различных авторов подразумевает полемику между ними, иногда их трактовки дополняют друг друга, но, в любом случае, хочется отметить, что перед

нами не коллекция разрозненных заметок, собранных под одной обложкой и объединенных только общностью темы, а интегральное, глубокое и увлекательное описание категории кюэзивности в языках мира.

А.Ю. Урманчиева